

Хопёрская Лариса Львовна

доктор политических наук, профессор
кафедры международных отношений
Киргизско-Российского Славянского университета
<https://orcid.org/0000-0003-2839-4884>

**«НЕТИТУЛЬНОСТЬ» КАК ОСНОВА
КОЛЛЕКТИВНОГО СТАТУСА
И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
РОССИЙСКИХ
СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ
В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию политико-правового положения российских соотечественников в Киргизской Республике. Проанализированы различные редакции Конституции Киргизии, другие нормативно-правовые документы и политические заявления, определяющие политико-правовой статус «нетитульного» населения этого государства, приведены статистические данные и результаты мониторинга Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации. Показано, что политико-правовая среда, в которой находятся российские соотечественники, характеризуется тем, что численно доминирующая часть общества закрепила свою групповую самоидентификацию в качестве «титульной нации» в Конституции, основных нормативно-правовых актах и документах стратегического планирования. В результате «нетитульность» оказалась ключевым фактором самоидентификации российских соотечественников в КР. Обосновывается вывод, что необходимы целенаправленные дипломатические усилия, ориентированные на преодоление структурной дискриминации «нетитульного» населения Киргизской Республики, в категорию которого входят российские соотечественники. Поскольку автор давно занимается указанной тематикой, в статье частично использованы опубликованные ранее материалы из архива автора (фактологические данные; выдержки из нормативных документов; цитаты выступлений политических лидеров, многие из которых оказались ныне в оппозиции и изгнании; недоступные в настоящее время документы), авторские определения и выводы.

Ключевые слова:

российские соотечественники, Киргизская Республика, «титульная нация», «нетитульное» население, этнонационализм, права человека, защита меньшинств, русский язык, структурная дискриминация

Khoperskaya Larisa Lvovna

D.Phil. in Political Science, Professor,
International Relations Department,
Kirghiz-Russian Slavic University
<https://orcid.org/0000-0003-2839-4884>

**“NON-TITLE” STATUS
AS A BASIS OF COLLECTIVE STATUS
AND SELF-IDENTIFICATION
OF RUSSIAN COMPATRIOTS
IN THE KYRGYZ REPUBLIC**

Summary:

The present research presents the study of the political and legal situation of Russian compatriots in the Kyrgyz Republic. It analyzes various versions of the Kyrgyz constitution, other normative legal documents and political statements defining the political and legal status of the “non-title” population of this state, provides statistical data and monitoring results of the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. It is shown that the political and legal environment where Russian compatriots live is characterized by the fact that the numerically dominant part of society has consolidated its group self-identification as a “title nation” in the Constitution, as well as in the main regulatory legal acts and strategic planning documents. As a result, “non-title” status turned out to be the main factor in the self-identification of Russian compatriots in the Kyrgyz Republic. There is substantiated the conclusion that purposeful diplomatic efforts are needed to overcome the structural discrimination of the “non-title” population of the Kyrgyz Republic, which includes Russian compatriots. Since the author has been dealing with this topic for a long time, the research partially uses previously published materials from the author’s archive (factual data; excerpts from regulatory documents, quotes from speeches of political leaders, many of which have now found themselves in opposition and exile; currently unavailable documents), copyright definitions and conclusions.

Keywords:

Russian compatriots, the Kyrgyz Republic, “title” nation, “non-title” population, ethno-nationalism, human rights, protection of minorities, the Russian language, structural discrimination

В 2020 г. принята поправка в Конституцию России, устанавливающая, что «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» [1]. С принятием этой поправки поддержка соотечественников приобретает новый правовой статус, она становится конституционной обязанностью государства, для эффективного исполнения которой необходимо хорошо понимать специфику идентичности соотечественников в каждой из стран их проживания, иметь адекватную оценку положения и правового статуса российских соотечественников за рубежом.

Особый интерес представляет анализ самоидентификации соотечественников и их идентификации «титутельным» населением в постсоветских странах, вошедших в Евразийский экономический союз, поскольку постоянно проживающие там российские соотечественники являются немаловажным фактором реализации евразийского интеграционного проекта. Одной из таких стран выступает Киргизская Республика.

Первые переселенцы прибыли на территорию современной Киргизии после вхождения ее северной части в 1865 г. в состав Российской империи. Массовое переселение крестьян из Центральной России и Украины происходило во время Столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг. Прибывшие расселялись в Чуйской долине и вокруг озера Иссык-Куль. Они осуществляли мелиорацию земель, осваивали пахотные площади, разбивали сады, строили поселки, дороги, больницы, школы, библиотеки, развивали мелкое производство. Из них было сформировано войсковое казачество, приписанное к Семиреченскому войску в городе Верном. В Гражданскую войну сюда направлялись партийные работники. С началом советского периода командировались инженерно-технические, педагогические, научные и технические кадры. В Великую Отечественную войну в республике оказались граждане, эвакуированные из западной части СССР. В силу исторических обстоятельств гражданами Киргизии в разные годы стали представители казачества и репрессированных народов [2].

К моменту распада СССР в Киргизии проживало около 1 млн наших соотечественников. Две цветные революции (2005 и 2010 гг.), масштабные межэтнические столкновения в южных областях республики (июнь 2010 г.), экономический (снижение объемов производства, прекращение товарооборота, потеря рынков) и финансовый (резкий рост инфляции, распад платежной системы, бюджетный дефицит) кризисы привели к интенсивному оттоку русскоязычного населения.

Государственный переворот, который произошел в начале октября 2020 г., буквально выбросил страну из правового поля, обусловил приостановление предоставления зарубежными государствами, в том числе Россией, финансовой и гуманитарной помощи, стал причиной резкого нарастания эмиграционных настроений среди российских соотечественников.

По данным Нацстаткома КР, к середине 2020 г. при общей численности населения в 6 523 529 человек в республике осталось около 400 тыс. российских соотечественников [3]. Большинство из них проживает на севере страны – в г. Бишкеке, Чуйской и Иссык-Кульской областях.

В Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике* сформулирована установка власти на то, что «в результате политических, социально-экономических, миграционных процессов последних лет Кыргызстан из республики с разнообразным этническим составом населения, особенно городского, постепенно трансформируется в страну с численным преобладанием этносов стран Центральной Азии» [4]. С нашей точки зрения, это утверждение можно расценивать как откровенный сигнал, данный властью российским соотечественникам в 2013 г. Несмотря на вступление Киргизской Республики в 2015 г. в Евразийский экономический союз, тенденция сокращения численности русскоязычного населения, прежде всего молодого, сохраняется. Согласно прогнозу Фонда ООН в области народонаселения в КР, сделанному в 2011 г., каждые 5 лет Киргизию будут покидать около 50 тыс. русских, к 2020 г. их численность снизится до 308 тыс. (5,2 % населения), в 2025 г. русских останется всего 249 тыс. (4,0 %), а в 2030 г. – 194 тыс. (3,0 %) [5, с. 313]. На начало 2020 г. доля русских составила 5,3 %, т. е. прописанный сценарий неукоснительно выполняется.

Его осуществлению способствует политико-правовая среда, в которой находятся российские соотечественники и главной характеристикой которой является ежедневное противопоставление представителей «нетитутельной» нации представителям нации «титутельной», или, выражаясь научным языком, дискриминация, т. е. «деятельность, означающая необоснованное проведение различий между людьми по определенному классифицирующему признаку» [6, с. 41].

Необходимо отметить, что Конституцией Киргизской Республики признаются и гарантируются основные права и свободы человека, а также установлено, что «никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств» (ст. 16) [7]. Однако общие положения о равноправии и запрете прямой дискриминации относятся к реализации прав и свобод человека и гражданина, а не групп, образующих социальную структуру общества.

Для характеристики косвенной дискриминации социальных групп при помощи правил, устанавливаемых для них доминирующей в государстве группой, в современной науке и международной правовой практике используется понятие «структурная, или институциональная, дискриминация».

* В официальных названиях страны, организаций, документов, источников сохранено написание слов, образованных от корня «кыргыз-», в соответствии с принятым в республике; в авторском тексте – по правилам русской грамматики: «киргиз-».

Американский социолог Ф. Пинкус, разрабатывавший концепцию структурной дискриминации, назвал ее ключевым элементом «удержания групп меньшинств в подчиненном положении» [8].

Можно согласиться с тем, что это понятие не так часто применяется для анализа социально-политических процессов на постсоветском пространстве, в частности в Киргизской Республике, но сказать, что оно совсем не известно республиканским политикам и правоведам, нельзя. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации в мае 2018 г. в очередной раз призвал Киргизстан разработать и принять «всеобъемлющее антидискриминационное законодательство, которое бы: а) давало определение прямой и косвенной дискриминации, охватывало все признаки дискриминации и запрещало все формы расовой дискриминации... б) квалифицировало различные проявления расовой дискриминации в качестве наказуемых деяний... с) предусматривало возможность принятия особых мер в целях поощрения равных возможностей и борьбы со *структурной дискриминацией*» <Курсив наш. – Л. Х.> [9, с. 3].

Полагаем, что для решения этих задач полезно ознакомиться с выводами американского ученого Э. Альтмана, написавшего статью «Дискриминация» для Стэнфордской философской энциклопедии. Анализируя структурную дискриминацию как вид косвенной дискриминации, он подчеркнул, что последняя «основана на том, как организовано наше общество. Сама система ставит в неблагоприятное положение определенные группы людей. Структурная дискриминация действует через нормы, обычную практику, отношения и поведение, которые создают препятствия в достижении подлинного равенства или равных возможностей. Структурная дискриминация часто проявляется в виде институциональной предвзятости, механизмов, которые регулярно совершают ошибки в пользу одной группы и дискриминируют при этом другую группу или других людей. Существуют случаи, когда дискриминация не укоренена в убеждениях человека в отношении другого человека или группы людей, однако она содержится в самих институциональных структурах, будь то юридических, организационных и т. д. Проблема структурной дискриминации состоит в том, что ее нужно выявить» [10].

Именно эту задачу решает Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, проводя регулярный мониторинг всеобъемлющего антидискриминационного законодательства, необходимого для обеспечения закрепленных в Конституции КР прав человека. В декабре 2019 г. «механизмы ООН в области мониторинга выявили ряд вопросов, которые продолжают вызывать озабоченность и в настоящее время», среди них «снижение уровня участия и представленности меньшинств в общественной жизни, в том числе на выборных должностях» и «постоянно снижающийся уровень занятости <национальных меньшинств> на государственной службе страны, в том числе в правоохранительных и судебных органах» [11].

Согласно данным Государственной кадровой службы КР, предоставленным спецпредставителю ООН по вопросам меньшинств Ф. де Варену, «по состоянию на январь 2019 г. меньшинства составляли лишь 5,0 % от общего числа государственных служащих и 10,7 % от общего числа муниципальных служащих, в том числе: этнические русские составляют 2,1 % от общего числа государственных служащих и 2,5 % от числа муниципальных служащих, представленность меньшинств в правоохранительных органах также очень низкая: в 2018 г. в них было всего 5,5 % представителей меньшинств от общего числа сотрудников правоохранительных органов – 15 684 человек, где русские составляли 2,0 %» [12].

Обращение к теоретическим положениям западных ученых и политико-правовым выводам ООН предпринято нами в целях обоснования следующего тезиса: *поддержка российских соотечественников должна осуществляться в первую очередь как поддержка сообщества, социальной группы, которая подвергается косвенной структурной дискриминации.*

Следует особо отметить, что уже в первой редакции закона РФ о соотечественниках была поставлена задача «проведения мониторинга в области отношений с соотечественниками, включающего в себя сбор, анализ и оценку информации о положении соотечественников, создание банка данных, прогнозирование ситуации и проведение научно-исследовательских работ» [13]. Сегодня эту задачу, с нашей точки зрения, можно уточнить: необходимо проводить сбор, анализ и оценку информации не только о прямой, но и о косвенной *структурной дискриминации соотечественников.*

В декабре 2019 г. в беседе о возможности участия в политических процессах республики один из российских соотечественников произнес такую фразу: «титульные нас не поймут». В ней сконцентрированы и признание своего «нетитульного» статуса, и принятие правил и границ, установленных «титульными» в политико-правовом поле. Обобщая, скажем, что она фиксирует принципиальное отличие гражданской самоидентификации в советский период и в период независимости.

В эпоху СССР гражданская и политическая самоидентификация жителей Киргизии не зависела от этнической принадлежности, и это сохранилось в исторической памяти российских со-

отечественников, людей, оказавшихся в 1991 г. не по своей воле гражданами другого государства. В настоящее время в Киргизской Республике этническая принадлежность стала основой политической и гражданской самоидентификации. Соответственно этому сформировались различные институциональные формы самоидентификации «титულიной» и «нетитულიных» групп. «Нетитულიность» стала главным фактором самоидентификации (т. е. самоопределения, ответа на вопрос: кто я в этом государстве?) российских соотечественников в КР.

Политико-правовая среда, в которой находятся наши соотечественники, характеризуется тем, что численно доминирующая часть общества закрепляет свою групповую самоидентификацию в качестве «титულიной нации» в Конституции, основных нормативно-правовых актах, в частности в законах о государственном и официальном языках, законах об образовании, СМИ, регламенте Жогорку Кенеша, правительстве, в других законах, заключениях Конституционной комиссии, документах стратегического планирования, политических заявлениях государственных деятелей и лидеров оппозиции, а также через создание государственных и административных структур, контролируемых представителями «титულიной нации», и возрождение традиционных киргизских общественных институтов.

Политическая концепция «титულიной нации» достаточно внятно была озвучена еще первым президентом КР А. Акаевым: «Кыргызы на этой земле – основной этнос, они составляют костяк, сердцевину народа Кыргызстана, они несут в силу своей численности и культурного менталитета главную ответственность за все как нация, являющаяся главным мотором культурогенеза республики. Их язык – государственный язык, они дали название нашему государству – Кыргызской Республике, и этим все сказано» [14, с. 7].

Во всех редакциях Конституции КР, принятых при А. Акаеве*, в преамбуле провозглашалось стремление, «отдавая дань многовековой истории *кыргызской государственности*, обеспечить национальное возрождение *кыргызов*, приверженность идее *национальной государственности* и нравственным ценностям *национальных традиций*» (редакции от 5 мая 1993 г., 16 февраля 1996 г., 21 октября 1998 г., 4 декабря 2001 г. и 18 февраля 2003 г.).

В трех редакциях Конституции, принятых в период президентства К. Бакиева**, преамбула сохраняла основополагающую идею о важности возрождения и совершенствования государственности киргизского народа, добавился тезис о единстве киргизов как фундаменте стабильности страны и согласия всего народа Кыргызстана (редакции от 8 ноября и 30 декабря 2006 г. и 21 октября 2007 г.). Закрепление особой роли киргизского народа в управлении государством осуществлялось путем легализации политических институтов, присущих киргизскому обществу.

Так, статья 23 Конституции предусматривала, что «граждане Кыргызской Республики по вопросам деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, по другим важным вопросам вправе проводить народные курултаи, являющиеся исторической традицией кыргызов»; статья 39 определяла, что «в Кыргызской Республике граждане вправе учреждать суды аксакалов»; в статье 45, устанавливающей порядок вступления в должность президента КР, был приведен текст его присяги народу Кыргызстана, в которой он клянется «защищать суверенитет и независимость Кыргызского государства».

Следует заметить, что в период правления «изгнанных» президентов А. Акаева и К. Бакиева введение в политический лексикон понятия «титულიная нация», вытеснение русского языка и русскоязычных кадров из престижных сфер управления и экономики, публичная фальсификация истории русско-киргизских отношений ситуативно сопровождалась подчеркиванием значимости межэтнического согласия и гармоничного сочетания гражданской и этнической идентичности, активным использованием в общественном дискурсе понятий «киргизстанцы» и «народ Кыргызстана», созданием в 1994 г. Ассамблеи народа Кыргызстана и приданием ей в 1997 г. статуса консультативно-совещательного органа, введением в 2007 г. 15 %-й квоты для представителей этнических меньшинств в парламенте [15].

Опасность разыгрывания карты «титულიной нации» показала «народная революция» апреля 2010 г. Если акаевско-бакиевский этнонационализм можно было охарактеризовать как управляемый ресурс власти, то апрельские события перевели его в формат неконтролируемый и агрессивный. Уже в первые «революционные» дни небывалый размах получило этнорейдерство, зазвучали антисемитские лозунги, совершены погромы турок в селе Маевка (апрель; 5 погибших, более 30 раненых) и узбеков в Джалал-Абаде (май; 6 погибших, 139 раненых). По свидетельству очевидца событий соотечественника С. Епифанцева, «в определенный момент “революционные” события приняли националистическую окраску. В первую очередь антирусскую, хотя

* Находился у власти с 13 октября 1991 г. по 24 марта 2005 г.

** Исполнял обязанности президента КР с 11 апреля 2005 г. по 7 апреля 2010 г.

“под раздачу” попали и другие нетитульные национальности. <...> Так получилось, что собственниками бизнесов в основном оказались лица нетитульных национальностей. А в определенный момент антирусская направленность вышла открыто на поверхность» [16, с. 28].

Такую оценку подтвердил Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, который выразил «обеспокоенность по поводу того, что лица, принадлежащие к этническим группам меньшинств, в результате конфликта лишились своих компаний и не все из них получили помощь от государства» [17].

После «революции» 7 апреля 2010 г. сразу встал вопрос о новой Конституции (не новой редакции, а именно новой Конституции). Тем не менее в ее преамбуле сохранилась формула о необходимости выражать «непоколебимую веру и твердую волю развивать и укреплять кыргызскую государственность, оберегать государственный суверенитет и единство народа» [18].

27 июня 2010 г. состоялся референдум по принятию новой Конституции, а Р. Отунбаева назначена президентом КР переходного периода*. Текст новой Конституции Киргизии, принятой после «апрельской революции» 2010 г., закрепил ассимиляционную модель построения нации, предполагающую добровольную ассимиляцию этнических групп под контролем «титульной нации» [19]. Именно в этом контексте в ходе предвыборной кампании в парламент республики основные политические партии соревновались в национализме, выдвигая лозунги о привилегиях «титульной нации», высшие должностные лица выступали с заявлениями и законопроектами националистического содержания. Например, советник Президента КР по политическим вопросам Т. Тургуналиев в предвыборный период разработал проект «закона о титульной нации», в котором последняя им определена как «нация, составляющая государство, а не давшая ему название» [20].

30 ноября 2010 г. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств К. Волленбек выразил обеспокоенность «националистическими нотками» в выступлениях некоторых политиков в Киргизстане, которые могут «подорвать усилия, направленные на консолидацию национального самосознания» [21].

После «революции» в апреле 2010 г. проблема русского языка стала одной из самых обсуждаемых и конфликтных, в течение 2010–2012 гг. вопрос о конституционной отмене его официального статуса неоднократно поднимался на самых высоких уровнях, анализировался в прессе и на научных конференциях. В новой Конституции КР, принятой 27 июня 2010 г., из ст. 5 исключен пункт, в соответствии с которым «не допускается ущемление свобод и прав граждан по признаку незнания государственного или официального языка».

21 января 2013 г. была утверждена Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 гг., в которой определялись перспективы «кыргызской государственности». В документе подчеркивалось, что «решение наиболее острых общественно-политических, экономических, социальных, идеологических, региональных и межэтнических проблем неразрывно связано с задачами сохранения и укрепления кыргызской государственности» [22].

Сомнительно, что авторы документов не осознавали тождественность процессов «укрепления кыргызской государственности» с укреплением структурной дискриминации этнических меньшинств.

Указом президента КР от 10 апреля 2013 г. № 74 была утверждена Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике [23], где установка власти на различение статусов «государствообразующего» народа и прочих этнических групп сформулирована четко. В ней содержится основополагающее заявление о том, что «объединяющим стержнем единого многонационального народа Кыргызстана является кыргызский этнос, составляющий большинство населения и давший историческое название стране».

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации дал следующую рецензию на этот документ: «Принятая в стране официальная Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений направлена на *создание национальной идентичности, которая эксплицитно не включает все этнические группы* и может привести к разжиганию прошлых конфликтов», «национальная идентичность должна строиться на признании всех существующих в стране общин» [24].

Неотъемлемой частью концепции «титульной нации» и формой структурной дискриминации русскоязычного населения в языковой сфере является отношение к русскому языку. При том что его значимость и уважение к нему регулярно декларируются должностными лицами Кыргызской Республики на двусторонних встречах высшего уровня, международных конференциях и культурных фестивалях, в публичных заявлениях главы КР, в парламенте Киргизии неоднократно поднимался вопрос о лишении русского языка статуса официального в КР. В настоящее время

* Исполняла обязанности председателя временного правительства с 7 апреля 2010 г., президента переходного периода – с 27 июня 2010 г. по 17 декабря 2010 г.

на законодательном уровне закреплены жесткие требования к степени владения государственным киргизским языком как необходимое условие полноценного политического участия, занятости на государственной и муниципальной службе, получения высшего образования и доступа к государственным услугам.

В августе 2013 г. в Конституционную палату Верховного суда КР обратился российский соотечественник И. Трофимов с ходатайством о проверке конституционности норм действующих законов КР, которые не позволяют лицу, не владеющему государственным языком, быть избранным омбудсменом (Акыйкатчы); работать в государственных органах и органах местного самоуправления; занимать пост Торага Жогорку Кенеша, премьер-министра, председателя Верховного суда, председателя Конституционной палаты Верховного суда; участвовать в официальных государственных, общественно-политических мероприятиях; получать государственный документ на официальном языке; служить в Вооруженных силах Киргизской Республики; отправлять почтовую корреспонденцию в Киргизской Республике на понятном ему языке; участвовать в обсуждении проектов нормативных правовых актов, принимаемых органами местного самоуправления [25].

Ходатайство И. Трофимова Конституционная палата оставила без удовлетворения. Основными аргументами отказа послужили следующие логически взаимосвязанные утверждения: «Придание кыргызскому языку статуса государственного исходит из признания кыргызской нации как носителя государственного языка и составляющего основу многонационального народа Кыргызской Республики.

Учитывая этническое многообразие народа Кыргызстана и исторически сложившиеся обстоятельства, Конституция предусмотрела в качестве официального языка русский язык.

Понятия “государственный язык” и “официальный язык”, исходя из смысла Конституции, выполняют близкие задачи, но тождественными не являются. <...> ...Объем функций, выполняемых государственным и официальным языками, и сферы их применения могут различаться. <...>

...Право пользования родным языком не должно носить абсолютного характера. Оно призвано обеспечить реализацию интересов человека в социокультурной сфере, но не предполагает предоставления ему неограниченных возможностей использования родного языка во всех публичных отношениях. <...>

...Решение окончательное и обжалованию не подлежит... Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики». Такое Решение Конституционной палаты стало возможным благодаря изъятию в 2010 г. из Конституции КР пункта, в соответствии с которым «не допускается ущемление свобод и прав граждан по признаку незнания государственного или официального языка».

Фактически Конституционная палата закрепила за гражданами КР, не владеющими государственным языком, право на «реализацию интересов человека в социокультурной сфере» и ограничила «во всех публичных отношениях». С нашей точки зрения, это классический пример структурной дискриминации, которой подвергаются 23,5 % населения, или 1 млн 385 тыс. человек.

В очередной редакции Конституции, принятой при президенте КР А. Атамбаеве* на референдуме 11 декабря 2016 г., снова подтверждалась «непоколебимая вера в будущее страны и твердая воля развивать и укреплять *кыргызскую государственность*» [26]. Таким образом, «создание национальной идентичности, которая эксплицитно не включает все этнические группы» [27] на основе концепции «*титульной нации*» успешно продолжилось. По мнению эксперта Центра восточноевропейских и международных исследований Б. Эшмент, «Атамбаев вполне в качестве главного результата своего шестилетнего правления мог бы назвать создание *кыргызского национализма*. Он его действительно целенаправленно поддерживал и формировал, и неслучайно объявлял кыргызов одним из самых древних народов мира» [28].

С 24 ноября 2017 г. по 15 октября 2020 г. президентом КР являлся С. Жээнбеков, который под жестким давлением оппозиции, неудовлетворенной итогами парламентских выборов, был вынужден уйти в отставку. При нем использование понятия «титульная нация» стало обыденным, его можно встретить в официальных документах ГКНБ, выступлениях политиков, журналистских статьях. В принятой при С. Жээнбекове Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 гг. применяются такие понятия, как «*кыргызская государственность*», «*кыргызская экономика*», «*кыргызская идентичность*». Делаются прогнозы: «к 2040 г. ... будут созданы условия для укрепления *кыргызской нации* как своеобразного, уникального общества, существующего и развивающегося на основе национальных особенностей культуры, собственной национальной природы» [29].

* Находился во главе государства с 1 декабря 2011 г. по 24 ноября 2017 г.

В декабре 2019 г. специальный докладчик ООН по вопросам меньшинств Ф. де Варен выразил озабоченность «в связи с новой концепцией гражданства, которая в настоящее время выдвигается Правительством Кыргызстана и которая, как представляется, направлена на поощрение *кыргызской этнической* принадлежности, а не национального гражданства всех кыргызстанцев» [30].

Основания того, что политические силы, иницирующие после очередного государственного переворота в октябре 2020 г. принятие новой Конституции КР и стремящиеся закрепиться во власти, отрекутся от этнократической традиции, в данный момент отсутствуют.

12 ноября 2020 г. исполняющий обязанности президента премьер-министр С. Жапаров провел пресс-конференцию для журналистов. По данным пресс-службы, на мероприятие аккредитовались 148 журналистов из 86 республиканских и зарубежных СМИ. Он ответил почти на 30 вопросов «исключительно на кыргызском языке, хотя вопросы задавали и на русском, который в КР является официальным. Даже с представителями иностранных СМИ и. о. президента говорил на государственном языке» [31].

Таким образом, соблюдается традиция, при которой многочисленные изменения редакций Конституции КР и законов, определяющих политическую систему страны, касаются форм политического правления, системы выборов, принципов партийного представительства, перераспределения полномочий между президентом, парламентом и правительством, организации власти на региональном и местном уровнях и других вопросов. В то же время при всех противоречиях авторы каждого нового проекта основополагающих политических документов неизменно сохраняют положение об *особой роли кыргызского народа* в государственном строительстве республики, конституционное закрепление статуса «*титульной нации*» и никогда не включают в список своих требований отказ от правил и норм, с помощью которых осуществляется структурная дискриминация этнических групп в Кыргызской Республике.

То, что именно этнические группы, включая группы российских соотечественников, нуждаются в специальных мерах поддержки, рассматриваемых как часть всеобъемлющего антидискриминационного законодательства, неоднократно подчеркивалось в документах ООН, в частности в заключительных замечаниях по периодическим докладом Кыргызстана, представленным в 1998, 2000, 2002, 2004, 2012, 2014 и 2018 гг.

В 2018 г. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации настоятельно призвал Кыргызстан:

– обеспечить, чтобы новая государственная политика на период 2018–2023 гг. под названием «Я кыргызстанец» не выказывала предпочтения какой-либо этнической идентичности, всеобъемлющим образом учитывала озабоченности всех этнических групп, существующих в государственном участнике, и позволяла действительно устранять коренные причины межэтнической напряженности;

– обеспечить эффективное участие всех соответствующих этнических групп и организаций гражданского общества в разработке, осуществлении и оценке государственной политики;

– обеспечить эффективное функционирование системы квот и принять другие меры, направленные на повышение уровня представленности этнических меньшинств во всех сферах общественной и политической жизни страны [32].

Выдвижение перечисленных рекомендаций является серьезной формой международно-правовой поддержки «нетитульного» населения Киргизии, а их выполнение способно изменить политико-правовую среду, в которой находятся российские соотечественники в этом государстве.

С нашей точки зрения, для исполнения новой конституционной обязанности России по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, аналогичная работа должна осуществляться соответствующими российскими структурами, также должны предприниматься дипломатические усилия в ходе двусторонних переговоров на высшем уровне по преодолению структурной дискриминации так называемого «нетитульного» населения республики. Этот вопрос необходимо поднять на самый высокий уровень обсуждения и увязать его не только с развитием единого экономического пространства ЕАЭС, но и с решением проблем обеспечения национальной безопасности КР, оказания Россией безвозмездной экономической помощи Киргизии и сохранения единого культурно-исторического пространства двух стран.

Ссылки:

1. Конституция РФ [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/BXbz8jw8XRmFMbWsupnQcA2tDLIK009p.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).
2. Аккиева С.И., Сампиев И.М. Депортации народов Северного Кавказа в 1940-е гг. как фактор диаспоризации и модернизации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 284 ; Анисимова И.В. Роль Сибирского и Семиреченского казачьих войск в решении геополитических задач России в Центральной Азии // Востокведные исследования на Алтае. 2016. № 10. С. 72–75 ; Безбородова О. Код памяти: историко-публицистические очерки о многонациональной культуре Кыргызстана. Бишкек, 2020. 108 с.

3. Население [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie> (дата обращения: 11.12.2020).
4. О Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике [Электронный ресурс] : Указ Президента КР от 10 апр. 2013 г. УП № 74 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61588?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.12.2020).
5. Население Кыргызстана в начале XXI в. / под ред. М.Б. Денисенко ; Фонд ООН в области народонаселения в Кыргызской Республике. Бишкек, 2011. 331 с.
6. Осипов А.Г. Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? М., 2012. 151 с.
7. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 г. : в ред. Закона Кыргызской Республики от 28 дек. 2016 г. № 218 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.12.2020).
8. Pincus F.L. From Individual to Structural Discrimination // Race and Ethnic Conflict / ed. by F.L. Pincus, H.J. Ehrlich. Boulder, CO, 1994. P. 82–87.
9. Заключительные замечания по объединенным восьмому – десятому периодическим докладам Кыргызстана [Электронный ресурс] : приняты Комитетом по ликвидации расовой дискриминации на его 95-й сессии // Общественный фонд «Нотабене». 2018. URL: [http://www.notabene.tj/Doc/Kaz/compl/G1814265%20\(1\).pdf](http://www.notabene.tj/Doc/Kaz/compl/G1814265%20(1).pdf) (дата обращения: 11.12.2020).
10. Алтман Э. Дискриминация [Электронный ресурс] / пер. с англ. М. Пустильник // Brick of Knowledge. URL: <https://brick-ofknowledge.com/articles/discrimination> (дата обращения: 11.12.2020).
11. Варен Ф. де. Посещение Кыргызстана [Электронный ресурс] : заявление по итогам миссии // Управление Верховного комиссара по правам человека : официальный сайт. 2019. 17 дек. URL: <https://www.ohchr.org/ru/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25422&LangID=R> (дата обращения: 11.12.2020).
12. Там же.
13. О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом [Электронный ресурс] : Федер. закон РФ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ : в ред. от 23 июля 2013 г. № 203-ФЗ // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1407 (дата обращения: 11.12.2020).
14. Выступление президента Кыргызской Республики А. Акаева на I Курултае народа Кыргызстана : 22 янв. 1994 г. // I Курултай народа Кыргызстана / отв. ред. Э.С. Каптагаев. Бишкек, 1996. С. 6–12.
15. О новой редакции Кодекса Кыргызской Республики о выборах в Кыргызской Республике [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Республики от 23 окт. 2007 г. // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202192> (дата обращения: 11.12.2020).
16. Епифанцев С. Уроки киргизской революции для судеб «Русского мира». Бишкек, 2010. 176 с.
17. Заключительные замечания по пятому – седьмому периодическим докладам Кыргызстана [Электронный ресурс] : приняты Комитетом по ликвидации расовой дискриминации на его 82-й сессии // Общественный фонд «Нотабене». 2013. URL: <http://www.notabene.tj/Doc/Kaz/compl/G1342805.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).
18. Конституция Кыргызской Республики : в ред. Закона Кыргызской Республики от 28 дек. 2016 г. № 218.
19. Президент: Быть титульной нацией это не только привилегия, но и тяжелый труд [Электронный ресурс] // Кабар : кыргызское национальное информационное агентство. 2010. 26 авг. URL: <http://kabar.kg/index> (дата обращения: 11.12.2020).
20. Осмонгазиева Т. Топчубек Тургуналиев: В Кыргызстане я готов нести ответственность за свой законопроект о титульной нации [Электронный ресурс] // 24.kg : информационное агентство. 2010. 28 сент. URL: <https://24.kg/archive/ru/community/83403> (дата обращения: 11.12.2020).
21. Мазыкина Ю. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств обеспокоен «националистическими нотками» в выступлениях некоторых политиков в Кыргызстане [Электронный ресурс] // Там же. 2010. 30 нояб. URL: <https://24.kg/archive/ru/politic/87894> (дата обращения: 11.12.2020).
22. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 гг. [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Кыргызской Республики от 21 янв. 2013 г. № 11 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542> (дата обращения: 11.12.2020).
23. О Концепции укрепления единства ...
24. Заключительные замечания по объединенным восьмому – десятому периодическим докладам ...
25. Решение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : от 28 нояб. 2013 г. № 12-р // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/9620?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.12.2020).
26. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : в ред. закона Кыргызской Республики от 28 дек. 2016 г. № 218 // Там же. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.12.2020).
27. Заключительные замечания по объединенным восьмому – десятому периодическим докладам ...
28. Волков В. Через 8 лет после трагедии в Оше: помирились ли кыргызы с узбеками? [Электронный ресурс] // Ino-Zpress.kg. 2018. 11 июня. URL: <http://www.inozpress.kg/news/view/id/52991> (дата обращения: 11.12.2020).
29. О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 гг. [Электронный ресурс] : Указ Президента Кыргызской Республики от 31 окт. 2018 г. УП № 221 // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/ukaz-prezidenta-kyrgyzskoj-respubliki-o-nacionalnoj-strategii-razvitiya-kyrgyzskoj-respubliki-na-2018-2040-gody> (дата обращения: 11.12.2020).
30. Варен Ф. де. Посещение Кыргызстана ...
31. Первая пресс-конференция Садыра Жапарова [Электронный ресурс] : текстовая трансляция // 24.kg : информационное агентство. 2020. 12 нояб. URL: https://24.kg/vlast/172724_pervaya_press-konferentsiya_sadyira_japarova_tekstovaya_translyatsiya (дата обращения: 11.12.2020).
32. Заключительные замечания по объединенным восьмому – десятому периодическим докладам ...

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна